

Внезапно – бум...

Глухой удар вырвал его из сна: посреди глубокой ночи что-то с силой врезалось в стекло.

Юй Цин сонно потёр глаза, босыми ногами ступил на пол и наощупь потянулся к выключателю бра у окна.

Снаружи шел дождь, и этот ночной белый шум дарил необъяснимое чувство покоя.

Юй Цин нащупал небольшой выступ и уже собирался нажать на него, как вдруг ночное небо распорол ослепительная молния. Следом грянул гром — и в короткой вспышке он отчётливо увидел то, что прилипло к стеклу снаружи: глазное яблоко!

Сплющенное, с расплывшимся по белку мутным пятном, намертво присосавшееся к стеклу из-за липкой крови глазное яблоко!

Растёкшаяся вокруг белка кровь тянулась по стеклу, точно щупальца, а багровые прожилки пересекали глаз всего в нескольких сантиметрах от его лица.

В единственный миг, пока полыхала молния, его взгляд встретился с мёртвым глазом.

По спине пробежал мороз. Кончики пальцев Юй Цина дрогнули, глаза распахнулись шире — и вместе с угасшей молнией комната снова погрузилась во мрак.

Затем по стеклу с тихим шорохом что-то поползло вниз.

Щелк...

Он включил свет и в теплом желтоватом сиянии лампы увидел на окне лишь две багровые липкие полосы.

Глазное яблоко медленно соскользнуло вниз. Щупальца из запёкшейся крови ещё несколько раз дёрнулись и замерли среди обрубков и мусора.

Юй Цин поднял взгляд и посмотрел наружу: в темной ночи Клоуны снова вышли на охоту.

Они передвигались с невероятной скоростью. Их жуткие тела размывались среди дождевых капель, оставляя за собой смазанные следы; сжимая в руках острые ножи и нацепив уродливые маски шутов, они беспощадно вырезали всех «людей» в этом городе.

Позади, в гостиной, зашипел и затрещал телевизор, словно внезапно поймал какой-то

странный сигнал. Из динамиков донесся прерывистый голос: «... ш-ш... мэр... экстренное сообщение... правила...»

«Клоуны... могут убивать без ограничений... ш-ш-ш... уклоняйтесь... ш-ш... обязательно будьте честны со своими родителями, они... щелк!»

Юй Цин невольно сжал кулак. Он слушал, затаив дыхание, но внезапно вещание оборвалось, и электрический треск тоже стих.

Он поспешно повернулся и посмотрел на дверь спальни.

Тёплый свет из гостиной пробивался сквозь щель под дверью. Оттуда доносились шорох шагов, мамино ворчание и папины возражения — всё то, что обычно дарит чувство домашней безопасности.

Юй Цин опустил глаза, а его ладони сжались еще сильнее...

Подойдя к двери, он услышал разговор отца и матери:

— Уже полдень, а Цин-Цин все еще не встал? Позови его.

— Он же ребенок, пусть поспит подольше.

— Но нельзя же пропускать обед! — Отец, казалось, немного рассердился. — Ты только посмотри, который час?

Юй Цин опустил голову и глянул на свои наручные часы – полночь.

Его мама и папа думали, что сейчас полдень.

Кадык дернулся. Юй Цин сделал пару глубоких вдохов и наконец толкнул дверь.

Стоило ему показаться, как взгляды родителей разом устремились на него, уголки их губ приподнялись, а по подбородкам едва не потекла слюна.

Быстро окинув родителей взглядом и подавив дрожь в руках, Юй Цин посмотрел на новенький настенный телевизор:

— Пап... — пробормотал он. — Почему... ты выключил телевизор?

При этих словах отец на миг замер. Затем его шея изогнулась на невозможные сто восемьдесят градусов: лицо оказалось обращено назад, а прищуренные глаза всё так же смотрели прямо на сына.

Этот взгляд был ядовитым и алчным — совсем не таким, каким отец смотрит на собственного ребёнка.

Так ядовитая змея смотрит на кролика.

В то же мгновение выключенный телевизор снова затрещал и замигал экраном, будто изо всех сил пытаясь о чем-то предупредить: «Тревога... опасн...!!»

Однако то ли из-за слабого сигнала, то ли по иной причине перезагрузка сорвалась.

Экран погас, и комнату вновь накрыла гнетущая мертвая тишина.

Отец уставился на него и мягко произнёс:

— Ты и сам видел: сигнал сбился, каналы перепутались, ничего интересного. Хватит спать, умойся и выходи обедать.

Юй Цин крепче вцепился в дверную ручку, не отвечая сразу.

Юй Цин пристально смотрел на отца; за длинными ресницами невозможно было прочесть ни одной эмоции. Наконец он кивнул и улыбнулся:

— Хорошо.

Сказав это, он отступил на два шага назад и – хлоп...

Плотно закрыл дверь.

Отрезанный от гостиной закрытой дверью, Юй Цин прислонился спиной к стене. Мысли лихорадочно заработали, цепляясь за обрывки услышанного по телевизору.

«Папа выключил телевизор, папа не хотел, чтобы я это узнал, значит, эти сведения невыгодны родителям!

А то, что невыгодно родителям, выгодно мне!

Тогда...»

Юй Цин сделал пару быстрых шагов, достал что-то из ящика стола и спрятал в просторном пальто.

Когда он снова открыл дверь, то выглядел испуганным, словно не в силах сдержать нахлынувшие чувства, и его голос предательски дрожал:

— Пап...

В теплом свете ламп отец уже вернулся в нормальное состояние.

Увидев всё более обиженное и несчастное выражение Юй Цина, отец изобразил на немолодом лице деревянное подобие сочувствия.

— Я... мне нужно кое-что тебе сказать... — продолжал Юй Цин.

Договорив, он молча подошёл к отцу и тихо всхлипнул.

Любящая свое дитя мать не выдержала этих звуков и бросила готовку.

Наспех смыв с рук алые следы, она в два шага оказалась рядом с сыном. В её заботливом выражении сквозило странное, нечеловеческое безумие.

— Малыш, что случилось? Не плачь, — ласковый женский голос принялся бережно утешать его. — Расскажи, что стряслось, мы справимся со всем всей семьей.

Юй Цин чувствовал: родители безумно его любят. Оба не сводили с него глаз, словно он был центром их вселенной.

Вот только сжатые ладони всё сильнее заливал холодный пот.

Он был сиротой, и у него никогда не было родителей.

<http://bllate.org/book/19796/1954181>